

А. В. Малинов, С. Н. Погодин

СОЦИОЛОГИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

История России была главной темой специальных исторических исследований академика, профессора Санкт-Петербургского университета Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919). Но даже при изучении частных проблем русской истории он старался исходить из общего представления о задачах и целях научного исторического исследования. «Его научный интерес, — отмечал А. Е. Пресняков, — был сосредоточен, можно сказать, не на русской истории ради нее самой, как у большинства представителей этой специальности, а на исторической науке в целом, в ее принципах, теоретических основах и методах. Русский материал — как в смысле источников, так и в смысле изучения явлений — представляется лишь существенным, но внешним условием его ученой работы, объектом экспериментального применения, проверки и конкретизации общих представлений о методологических и феноменологических задачах исторической науки» [1, с. 98]. Для А. С. Лаппо-Данилевского важно широкое и общее понимание истории, даже не исторического процесса, а самого исторического предмета. Предметную область истории, по его мнению, составляют явления духовные, хозяйственные и правовые, взаимодействующие в пределах разнородных социальных групп (народов), а также то отношение, в каком эти народы состоят [2, с. 284]. «Прошло время, когда история была лишь только искусственным литературным рассказом любопытных и поучительных происшествий. Как наука, которая изучает явления развития, обнаруживающиеся во взаимодействии индивидуумов, история в настоящее время следит за развитием этого взаимоотношения, в каком находились между собой явления духовные, т. е. религиозно-нравственные, умственные и эстетические, хозяйственные и правовые в пределах разнородных социальных групп, народов, а также отмечает то положительное или отрицательное влияние, какое эти народы мирным или враждебным путем оказывали друг на друга» [3, с. 1].

Позитивизм и неокантианство на рубеже XIX–XX вв. представляли собой два основных варианта научной философии и две основных версии философского обоснования науки. И то, и другое направление претендовало на то, чтобы быть философией науки. Для А. С. Лаппо-Данилевского была важна, по преимуществу, общая цель этих направлений, а не конкретные методологические аспекты философских школ. В своем учении он следовал общему духу научной философии. В этом смысле и его ранние работы (которые обычно и относят к

Малинов Алексей Валерьевич — кандидат философских наук, ассистент кафедры истории русской философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5. Тел.: (812) 328-94-40.

Погодин Сергей Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры политологии Санкт-Петербургского государственного технического университета.

Адрес: 197024, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29. Тел.: (812) 552-67-18.

позитивизму), и «зрелые» (так называемые, неокантианские) произведения подчинены одной задаче — построению научной системы гуманитарного знания. В этом и состоит цельность и последовательность его научного творчества. Наиболее чуткие и внимательные современники отмечали эту особенность: «Работа его, разрастаясь и систематизируясь, направлялась к созданию всеобъемлющей системы *теоретического обществоведения*» [4, с. 53]; «Все разносторонние труды его были объединены одной идеей — идеей истины, как объединенного знания» [5, с. 90].

Научному творчеству А. С. Лаппо-Данилевского посвящено немало исследований, в основном они касаются его исторических работ. Его ученики А. Е. Пресняков [5] и С. Н. Валк [6] дали систематизированный и обобщенный портрет ученого. В работах Л. Н. Рубинштейна [7], А. Л. Шапиро [8], С. О. Шмидта [9], А. Н. Цамутали [10], А. П. Пронштейна [11], А. И. Клибанова [12], а также в совместной работе А. Н. Нечухрина и С. П. Рамазанова [13] рассмотрены отдельные стороны творчества А. С. Лаппо-Данилевского как историка. Философские воззрения исследователя нашли отражение в трудах Л. Н. Хмылева [14], С. П. Рамазанова [15], О. В. Сеницына [16], В. П. Корзуна [17], Р. А. Сидельникова [18], В. В. Беруса [19]. Социологические проблемы в творчестве ученого были рассмотрены Н. И. Кареевым [20] и И. А. Голосенко [21].

В предлагаемой статье мы сосредоточили основное внимание на анализе работ А. С. Лаппо-Данилевского, затрагивающих социологические проблемы. Первой из них является подготовительная записка и план среднешкольного курса преподавания истории, составленный историком для Тенишевского училища [22]. В то время эта записка не вызвала отклика со стороны педагогов и ученых, хотя имела большое значение для преподавания истории.

А. С. Лаппо-Данилевский считал, что школьная история не может не быть научной историей. Конечной целью исторического синтеза, как он считал, должно стать построение истории человечества, что требовало выработки четкой схемы изложения материала. Этому вопросу и была посвящена его записка. В ней не ставилась задача дать систематический и всесторонне разработанный план или программу, ее целью было показать, в каком духе должно вестись преподавание истории в средней школе. В записке отразились многие идеи, которые позже нашли свое воплощение в его «Методологии истории», в отношении к педагогическому делу. Это идея достоверного знания как единственно ценного с научной точки зрения, идея группировки и систематизации отдельных элементов знания, культуры эволюции и т.п.

При составлении своего плана А. С. Лаппо-Данилевский имел в виду историю человечества, в основу которой он положил, главным образом, историю Европы, поскольку, во-первых, история других частей света была еще мало разработана, и, во-вторых, из-за недостатка времени, отводимого на историю в средней школе. За исходную точку были взяты «род» и «племя» как древнейшие типы политического общения. Историк рассматривал, с одной стороны, доисторическую культуру Европы, с другой — современные простейшие типы семейной, родовой и племенной жизни. Далее он предложил рассмотреть: «Воинствующие державы древнейшего времени», «Феодалные государства в средние века», «Национально-правовые государства нового времени», «Развитие меж-

дународной общеевропейской цивилизации и распространение ее на земном шаре».

Таким образом, в предложенном А. С. Лаппо-Данилевским плане рассматривается состояние всего человечества, сначала — в доисторические времена, в конце — под влиянием общеевропейской цивилизации. В общеевропейской цивилизации, как констатировал историк, «лучше всего сказалось развитие человеческой культуры, если не зародившейся, то, во всяком случае, сложившейся в одно целое на европейской почве и отсюда распространившейся в новое время за пределы нашего материка» [22, с. 89].

Особенностью этого плана было то, что разные страны представляя отдельные типы («воинствующая держава», «город-государство», «национально-правовое государство»), являлись составными частями более крупных целых категорий. В каждой исторической индивидуальности он усматривал лишь часть одного всеобъемлющего целого.

Схема, предложенная А. С. Лаппо-Данилевским, создавалась не отвлеченной логикой сверху, а строилась снизу, воссоздавая целое из отдельных частей, исследованных по отдельности и в реальных отношениях к другим таким же частям. Единство всемирно-исторического процесса ведется у историка от времен родовой и племенной разрозненности и сам процесс понимается как постепенное складывание общечеловеческой культуры, как объединение человечества — и в смысле установления постоянных и прочных связей между отдельными его частями, и в смысле распространения единой культуры, являющейся синтезом вкладов отдельных народов.

Такая постановка вопроса подтверждает, что схема А. С. Лаппо-Данилевского существенно отличается от гегельянской. Он стоял ближе к «Курсу позитивной философии» О. Конта, чем к «Философии истории» Гегеля. И если у О. Конта было стремление свести всю историю к одному «основному закону», то у А. С. Лаппо-Данилевского это совершенно отсутствовало. Он отверг контовское деление истории на три фазиса развития не для того, чтобы заменить его какой-либо другой схемой. История человечества для него должна была быть конечным синтезом изучения отдельных периодов, а не заключаться в раскрытии какой-либо априорной формулы. Таким образом, история «национальная» в его схеме стиралась в истории «всеобщей». Своеобразную оценку «Плана» дал Барсков в письме к ее автору от 9 августа 1901 г. Он писал: «Сами Вы можете скептически относиться к своему «Плану». Вы можете его изменить и улучшить, но, верьте мне, в настоящем виде это клад для нашего учителя» [23].

Теоретические размышления Лаппо-Данилевского в области общественных и гуманитарных наук, в том числе и социологии, в значительной степени стимулировались двумя философскими направлениями: позитивизмом и неокантианством. По утверждению многих исследователей социологические и философско-исторические взгляды ученого эволюционировали с годами от позитивизма к неокантианству. Влияние последнего течения наиболее ощутимо в его «Методологии истории». Социологические проблемы во многом поглощались вопросами общетеоретического характера, эмпирический материал для которых давала по преимуществу история. От этого проистекает и смешение, взаимопроникновение в его работах социологических и философско-исторических проблем.

Еще одно следствие такого подхода проявилось в том, что А. С. Лаппо-Данилевский так и не написал ни одной работы, которую бы в строгом смысле можно было назвать социологической. Единственное его исследование на эту тему посвящено социологическим взглядам Огюста Конта. В 1902 г. в сборнике «Проблемы идеализма» историк опубликовал монографию «Основные проблемы социологической доктрины О. Конта». Работа была написана на заказ. П.И. Новгородцев, составитель сборника, в письме к А. С. Лаппо-Данилевскому так сформулировал его задачу: «Нам нужна статья, в которой была бы раскрыта неудовлетворенность социологической доктриной Конта....Ваша репутация и ваше имя в науке... делают для нас особенно желательным удар позитивизму, нанесенный вашей рукой» [24]. А. С. Лаппо-Данилевский всесторонне и обоснованно критикует учение Конта, указывая на догматизм многих его построений [25, с. 409–410, 415], на смешение теоретического и эмпирического уровней знания, подмену научного понимания закона эмпирическим обобщением [25, с. 411–412], пренебрежение психологией [25, с. 434–435] и отрицание понятия «субъект» и значения личности [25, с. 478–479]. Главный упрек контовскому учению состоял в том, что основатель позитивной философии попытался построить науку об обществе, не выяснив ее оснований [25, с. 490]. Это требование А. С. Лаппо-Данилевский взял в качестве основной задачи своих собственных исследований. В то же время многие идеи позитивной философии оказались ценными и привлекательными для русского мыслителя. Прежде всего, это ее общий настрой, сформулированный А. С. Лаппо-Данилевским в начале критического разбора: «Глубокая вера во всеобъемлющее значение науки и сильная потребность в нравственном обновлении общества проникают всю философию О. Конта» [25, с. 394]. Более частные стороны концепции О. Конта также нашли отклик в методологическом труде А. С. Лаппо-Данилевского. Это и понятие человечества, принимаемое в качестве предельного предмета социологических построений, и основные принципы контовской социологии: принцип условий существования; принцип единства человеческой природы; принцип «консенсуса», т.е. согласованности элементов всякой данной группы общественных явлений между собой; принцип эволюции [25, с. 436]. Указанные здесь принципы, конечно, не были бездумно перенесены А. С. Лаппо-Данилевским в свое исследование, но подверглись значительной корректировке. В частности, принцип условий существования вошел в учение об исторической связи в качестве принципа, интерпретирующего отношения индивида со средой. Принцип единства человеческой природы стал пониматься как принцип единства, по преимуществу, психофизической природы человека, связанной с истолкованием проблемы «чужого я», и чужой одушевленности. Принцип консенсуса и принцип эволюции начали рассматриваться как два аспекта одного принципа. А. С. Лаппо-Данилевский мог критиковать многие противоречивые и непоследовательные положения философии позитивизма, но никогда не изменял ее общему научному духу. Позитивизм же приучил историка-теоретика исходить из предмета, полагаться на конкретную действительность, с которой должна соотноситься наука. Особенно важно это было в начальные годы научного пути: «Но в годы созревания его мысли школа позитивизма оформила и укрепила его тягу к выяснению их неустранимой связи с восприятием и изучением конкретной действительности» [5, с. 12].

Проблема создания науки об обществе волновала историка на протяжении значительной части его научного пути. Этими вопросами он занимался более 20 лет. Эволюция его интересов хорошо видна на примере специальных и практических занятий, которые ученый вел в университете. Вот их неполный список: практические занятия по VI книге «Системы логики» Д. С. Милля (1899–1900 и 1900–1901), систематике социальных явлений разных степеней (1901–1902), анализу простейших социальных взаимодействий (1903–1904), теории ценности и ее приложению к обществоведению (1904–1905), теории эволюции и ее применению к обществоведению и истории (1906–1907), логике общественных наук и истории (1908–1909 и 1909–1910), теории исторического знания: разбор важнейших учений о ценности (1910–1911), критический разбор важнейших учений о развитии (1911–1912), критический разбор главнейших учений о случайности (1912–1913), критический разбор главнейших учений о ценности (1913–1914 и 1917–1918), критический разбор главнейших учений, касающихся проблемы «чужого я» (1914–1915), методологии социальных и исторических наук (1915–1916), логике социальных и исторических наук (1918–1919).

По наблюдению современников, взгляды А. С. Лаппо-Данилевского постепенно складывались в систему «теоретического обществоведения», как он сам предпочитал определять сферу своих исследований. Наука об обществе в трудах ученого все более и более подчинялась разработке общих теоретико-методологических основ гуманитарного знания. Задачу эту Лаппо-Данилевский прежде всего пытался разрешить на основе наиболее близкой ему науки — истории. Систематическое изложение его воззрения по теоретическим вопросам социальных и исторических наук получили в общем курсе по методологии истории, к чтению которого ученый приступил в 1906 г. Этот курс постоянно перерабатывался и обновлялся А. С. Лаппо-Данилевским. Первый раз он был издан литографским способом в 1909 г. Наиболее полное и завершенное издание вышло двумя выпусками в 1910 и 1913 гг. Незадолго до смерти А. С. Лаппо-Данилевский вновь приступил к переделке своего исследования, которое в 1918 г. начал публиковать частями в «Известиях Российской Академии Наук» (Серия VI. Том XII. № 5–7, 9, 11, 13). В 1923 г. в Петрограде стараниями учеников и друзей был издан первый выпуск новой редакции «Методологии истории».

Каковы же основные положения его концепции? Прежде всего, надо отметить, что историку не удалось достаточно четко и в то же время полно оформить свои взгляды. Сложность темы усугублялась громоздкостью и запутанностью изложения. Можно дать следующий конспективный и неизбежно упрощенный вариант его доктрины.

А. С. Лаппо-Данилевский исходил из общего понимания задач науки и теории познания. Теория познания, согласно его представлению, обосновывает методологию науки, обеспечивает достоверность и общезначимость всякого частного научного знания, а методология исторического знания является отраслью теории познания [26, с. 3–4].

В науках об обществе, в том числе и в истории, невозможно отделить знание от действительности. Действительность истории есть ее знание. Действительность истории неотделима от ее построения. Факты не дают логической необходимости и всеобщности [26, с. 112], т.е. того, что как раз и характеризует научное знание. Более того, всеобщность знания и общезначимость добываемой

на его основе истины, тем более истины о человеческом обществе, является не простым результатом деятельности трансцендентальных структур сознания, но имеет и социальное измерение. Иными словами, «общепризнанность истины становится фактором ее общезначимости и как бы социальным продуктом...» [27, с. 314]. Трансцендентальная гарантированность знания не достаточна для деятельности историка, поэтому он исходит из «понятия о признании всяким ценности фактической истины» [27, с. 634]. Само знание структурируется и оформляется на уровне суждения. Более определенно это звучит так: «... Мое знание о действительности есть, прежде всего, обоснованное экзистенциальное суждение о содержании моего представления, т. е. о том именно, что в нем содержится» [27, с. 295]. В научном суждении особенное мыслится подчиненным общему. Поскольку историка дано только особенное, которое должно быть подведено под общее, постольку историческое суждение есть суждение рефлектирующее, а не определяющее. Итак, для А. С. Лаппо-Данилевского принципиально важно различие двух типов подхода к истории: со стороны знания и его теоретического оформления и со стороны действительности. Различие теории и действительности А. С. Лаппо-Данилевский пытается проследить во многих разделах своей «Методологии истории». С этой точки зрения он, в частности, критикует неокантианскую абсолютизацию противопоставления номотетического и идеографического методов.

Важнейшей особенностью науки является систематическое единство знания. «С теоретико-познавательной точки зрения научное характеризуется его систематическим единством... наука есть объединенная система понятий, охватывающих возможно больше данных нашего опыта; она пытается установить возможно меньшее число понятий, в каждое из которых укладывалось бы возможно большее число представлений о фактах» [26, с. 63]. Единство знания представляет собой систему научных понятий, объединяющую данные опыта [26, с. 4]. Построение такой системы — непосредственная задача методологии (не лишенной, впрочем, на этом пути известных затруднений), которая как раз и понимается А. С. Лаппо-Данилевским как система общих понятий, устанавливаемых сознанием [26, с. 5]. Но у единства знания есть и другой аспект. «Вместе с тем наука не может получить единство в явный ущерб полноте нашего знания: она должна удовлетворять наш интерес не только к общему, но и к индивидуальному; она должна выяснить значение для нас и общих понятий, и самой действительности» [26, с. 63–64]. Отсюда два пути достижения единства и полноты знания: обобщающий и индивидуализирующий. Вещь может быть рассматриваемая и в отношении общего с другими вещами, и как часть целого. Так возникают две точки зрения на один предмет: номотетическая и идеографическая. Употребляя эти термины, А. С. Лаппо-Данилевский ссылается на В. Виндельбанда, но тут же в примечании оговаривается, что «понимает вышеуказанные термины в несколько ином смысле» [26, с. 64]. В свою очередь, сама методология науки состоит из двух разделов: учения о принципах науки и о методах изучения. Так формулируются две задачи научной методологии — основная и производная: «... Основная состоит в том, чтобы установить те основания, в силу которых наука получает свое значение, т. е. выяснить значение ее принципов; производная — сводится к тому, чтобы дать систематическое учение о тех методах, которыми что-либо изучается» [26, с. 15].

На основе этих общих положений ученый непосредственно подходил к рассмотрению методологических проблем социальных наук на примере истории. Последняя имеет дело с конкретной действительностью, однако данной не непосредственно, а посредством источника. Историческая действительность не совпадает полностью с миром, существующим по законам природы. Существенными моментами исторической действительности становятся свобода, ценности, смыслы. Это означает, что она имеет антропологическую основу, позволяющую аналитическим путем установить причинно-следственную связь фактов и приписать им историческое значение.

Другая особенность исторической действительности состоит в том, что историк не только исходит из действительности, но и научно создает ее [26, с. 271]. Иными словами, историческая наука «стремится научно построить историческую действительность» [27, с. 521]. Со стороны же познания в исторической науке встречается как элемент обобщения, так и индивидуации, поэтому история имеет дело, в сущности, лишь с относительными обобщениями [26, с. 290]. В целом же методология истории рассматривает основания исторического знания и разрабатывает обоснованную систему исторических понятий [28, с. 9] и распадается на теорию исторического знания и учение о методах исторического мышления [28, с. 6].

Действительность, с которой соотносится историческое исследование, соответствует понятию *исторического факта*. Следует различать «реальную» сторону исторического факта и те способы, какими исторический факт дан и благодаря которым он входит в систему исторического знания. «Действительная» и «познавательная» стороны исторического факта во многом определяются теми отношениями, в которых это понятие состоит с понятиями индивида (индивидуальности) и ценности. Так исторический факт представляет собой воздействие, какое индивидуальность, как часть целого, оказывает на это целое и результат такого воздействия [27, с. 335].

Определенное отношение индивидуальности к окружающей ее действительности может породить исторический факт. Отношение историка к показанию, через которое этот факт дан, приводит к познанию исторического факта. Историк оказывает волевое воздействие на опосредованный показанием исторический факт. С психологической точки зрения такое воздействие называется оценкой [26, с. 239]. В то же время «следует всегда отличать отнесение к ценности от субъективной оценки фактов, производимой самим историком» [26, с. 249]. Для исторической науки важна не субъективная оценка, а отнесение факта к ценности. Можно сказать, что исторический факт это такой индивидуальный фрагмент реальности, который, благодаря отнесению к ценности, получает историческое значение. Ценность имеет отношение к индивидуальному сознанию, поскольку характеризуется моментом требования, предъявляемого нашим «я» к собственному сознанию [26, с. 239]. Эти требования носят абсолютный характер и бывают познавательными, этическими или эстетическими [26, с. 239].

Установлением или обоснованием ценностей занимается философия; в отношении истории это дело философии истории [26, с. 239]. Философия вырабатывает систему абсолютных ценностей, прежде всего устанавливает ценность добра, истины и красоты. Историк и социолог должен проследить процесс

реализации установленных и обоснованных ценностей в действительности. То есть философски обоснованные и в силу этого абсолютные ценности применимы для обществоведа лишь тогда, когда они являются (исторически) общепризнанными; иными словами, когда они имели отношение к действительности, т. е. действительно разделялись, например, социальной группой [26, с. 245]. Отнесение к абсолютным ценностям часто является недостаточным. Общепризнанные ценности психологичны, что вызвано тем обстоятельством, что исторические объекты являются субъектами, а значит, сами способны выбирать, устанавливать и обосновывать ценности. Отсюда проистекает важное для А. С. Лаппо-Данилевского различие в отнесении к обоснованной и к общепризнанной ценностям [26, с. 246].

Теория исторического знания может быть построена с двух точек зрения: номотетической и идеографической [26, с. 67]. Номотетический подход стремится к «полаганию» и построению законов, а идеографический — к описанию индивидуальных фактов [26, с. 64]. Номотетическое построение истории способствовало развитию понятия о закономерности (сначала в психологическом смысле) исторических явлений и, как правило, основывалось на переносе понятий естествознания для обработки исторического материала [26, с. 68].

Основные принципы номологического построения имеют явную отсылку к учению О. Конта. К ним относятся: принцип причинно-следственности; принцип единообразия психофизической природы человека; принцип «консензуса» и эволюции (в естественнонаучном смысле) [26, с. 113-114]. Эти принципы служат для выработки общих исторических понятий при номологическом построении истории.

Однако номотетическое построение, по мнению ученого, не учитывает нормативный характер нашего сознания и смешивает законы природы и нормативные законы. Важным для А. С. Лаппо-Данилевского оказывается императивный характер исторической науки: «...Между тем история получает совершенно особое, самостоятельное по отношению к природе значение, если рассматривать ее как постоянное осуществление некоего долженствования...» [26, с. 169]. С другой стороны, номотетическое построение огрубляет действительность и не дает ее полноты. Оно упускает из вида конкретные, индивидуальные исторические факты (личности, события и т.п.) [26, с. 162].

Номологическое понимание есть в строгом смысле научное понимание истории, сопрягающее ее с рядом других наук об обществе, в частности, с социологией. «С точки зрения научно-обобщенного знания между социологией и историей не должно быть принципиального различия: обе стремятся к обобщению и разнятся только по ближайшим объектам исследования: социология обобщает преимущественно явления постоянно повторяющиеся, а история — явления разнотипные; в таком случае легко свести социологию — к социальной статике, а историю — к социальной динамике. С точки зрения научно-обоснованного знания, принимающего во внимание и наш интерес к индивидуальному, между социологией и историей нужно, напротив, признать принципиальное различие. Социология стремится к построению общих понятий, история, напротив, к образованию понятий индивидуальных, например, понятия о едином целом, об отношении к нему частей, об историческом значении индивидуального и т.п.» [26, с. 66-67].

Идеографическое построение расставляет иные акценты в исторической науке. Во-первых, оно обращает историческую науку к конкретной реальности [26, с. 224], а во вторых — к действующей в этой реальности индивидуальности.

Придание исторического значения индивидуальному историческому факту осуществляется через отнесение этого факта к ценности. Однако не следует смешивать ценность индивидуальности и ее историческое значение: «Лишь комбинируя понятия о ценности и о действительности индивидуального, историк получает основание признать за ним историческое значение» [26, с. 238-239]. В свою очередь, понятие о действительности индивидуального обусловлено понятием об историческом обществе [26, с. 251]. Так вырисовывается социальная, в широком смысле интересубъективная, структура исторического знания. А. С. Лаппо-Данилевский отмечает: «Индивидуальное получает историческое значение... поскольку оно становится "общим достоянием", следовательно, поскольку оно впечатлевается или повторяется в других индивидуумах» [26, с. 288]. Можно добавить, что коррелятивным такому историческому значению является понятие общепризнанной ценности.

Цели научного конструирования исторической действительности служит понятие *исторической связи*. При помощи этого понятия историк формирует представление о непрерывном историческом процессе, связывающем разрозненные исторические факты. Следует различать логически необходимую и фактически необходимую связь между фактами. Первая из них опирается на принцип причинно-следственной связи, а вторая понимается как конкретно-данная связь [26, с. 166]. Для историка важна фактически необходимая причинно-следственная связь, при помощи которой и устанавливается реальное отношение между историческими фактами [26, с. 221].

Центральным понятием конструируемой исторической действительности является не «исторический факт», а «событие», в котором уже заключено представление о причинно-следственной связи. *Событие* — сложное понятие, обозначающее встречу нескольких индивидуальностей или их действий [26, с. 274]. Точнее, это встреча двух или большего числа причинно-следственных рядов, т.е. «относительный случай» [26, с. 260]. В событии соединяются два вида действительности — исходная, данная и конструируемая, заданная: «...Под "событием" можно, следовательно, разуметь, индивидуальное понятие, объединяющее множество представлений о разнородных фактах, образующих конкретное сцепление, в состав которого входит встреча последнего рода, причем совокупность их действительно дана и действительно влияет (или влияла) на ход развития человечества; поскольку такая совокупность представляется нашему разуму данной и, значит, относительно случайной, она и называется событием в узком смысле слова» [26, с. 274]. Таким образом, в событии осуществляется постижение реальности при помощи ее построения. Встречающиеся причинно-следственные серии исторических фактов приводят к образованию событий и, тем самым, к синтетическому построению исторической действительности.

Номотетическое конструирование исторической действительности оперирует понятием *консенсуса*, которое включает в себя представления о целом и составляющих его частях, о системе и ее элементах [26, с. 128]. Понятие консенсуса указывает на разновидности и способы связи элементов в социальной

системе. Дополнение этого понятия органической теорией и телеологическим принципом приводит к понятию *эволюции* [26, с. 129].

Для научного построения конкретной (исторической) действительности необходимо дополнить понятие об исторической связи понятием об *историческом целом* [26, с. 276-277]. Отдельно взятый индивидуум есть абстракция, поэтому историка интересует индивидуум как конкретная часть какого-либо целого или даже нескольких целых. То же самое можно сказать и о событии [26, с. 278]. Историческая индивидуальность, рассматриваемая как субъект консенсуса или эволюции, «полагает себе цель, общую для всех по своему значению, обладает общей волей и самоопределяется в объединенной деятельности членов целого» [26, с. 277]. Целое можно понимать как реальное единство многообразия. Вместе с тем, своеобразное целое уже представляет собой нечто индивидуальное [26, с. 277]. А. С. Лаппо-Данилевский предлагает рассматривать два понятия о целом — коэксистенциальное и эволюционное — в зависимости от преобладания либо пространственных, либо временных признаков в определении этого понятия.

Представление о целостности — предел идеографического построения, к которому стремится историк [26, с. 277]. В свою очередь, предельным понятием о целом является *понятие о мировом целом* [27, с. 332]. Но историка интересует лишь та часть мирового целого, которая обладает сознанием и которая поэтому способна воздействовать на это целое и сама зависит от него. Такая история может быть сведена к истории человечества. *Человечество* есть то предельное понятие, которое имеет историческое значение и рассматривается как субъект индивидуальной эволюции [27, с. 333], т.е. как коллективный субъект. Развитие человечества предстает в виде конструируемого нами процесса постепенного возрастания единства человеческого сознания в таком коллективном субъекте. В возрастании единства сознания заключено историческое значение развития человечества [27, с. 334]. Объединяя сознание, человечество превращается в «великую индивидуальность». В то же время понятие об эволюционном целом, действующим субъектом которого выступает человечество, находится в тесной связи с понятием о развитии, объединяющем представление об общем направлении или тенденции и формирующимся при участии телеологического принципа в регулятивном смысле [26, с. 281-282].

С субъективной стороны можно говорить о процессе *изменения* содержания сознания, которому соответствует то, что происходит или случается в действительности. В этом смысл *бывания*, которое А. С. Лаппо-Данилевский предлагает отличать от *бытия* [27, с. 295]. Можно заметить, что здесь проявляется онтологическая тенденция в творчестве русского историка, не выводимая строго из его неокантианства. История — реальный процесс, но данный не в чувствах, не феноменально, а в воспоминании. История также имеет дело с тем, что есть. История не фикция, она может быть научно обоснованна. В ней обнаруживает себя онтологически гарантированная истина. Более того, реальность истории только и может быть онтологической — как реальность мысли и как та реальность, которая дается в мысли. То, что дано в истории, ее предмет доступен человеку не со стороны его реального присутствия, а со стороны его возможного помысливания и, данный лишь как предмет мысли, он предстает име-

ющему с ним дело (историку) со стороны его (предмета) бытия. Это особый род бытия — историческое бытие, или бывание.

Об изменении можно говорить тогда, когда одному и тому же объекту соответствуют два различных содержания сознания. Изменение мыслится во времени [27, с. 295-296]. «Итак, историк интересуется не понятием о постоянном пребывании того, что изменяется, а понятием об изменениях в состояниях того, что пребывает...» [27, с. 296]. Изменяющаяся, акцидентальная сторона того, что есть, интересует историка, его занимает существующее со стороны смысла. Продолжая, А. С. Лаппо-Данилевский пишет: «... В сущности, только бывание, изменение того, что пребывает, интересует историка: он обращает внимание не столько на то, что есть, сколько на то, что было, в его отношении к тому, что есть» [27, с. 297]. Изменение можно рассматривать или с номотетической точки зрения, делая акцент на том, что в изменении является общим, или с идеографической точки зрения, интересуясь различием в изменении [27, с. 297].

С понятием изменения непосредственно соприкасается *принцип чужой одушевленности*. Историк обращает внимание на качественное, а не на количественное изменение [27, с. 301]. Это изменение в чужой психике. В основе принципа чужой одушевленности лежит представление о единообразии природы вообще и психической природы человека, в частности [27, с. 314]. «Чужое я» не дано непосредственно в опыте, поэтому мы делаем заключение о нем по наблюдениям над телесными процессами [27, с. 304]. К конкретному «я» (а, далее, и к исторической индивидуальности) затруднительно прийти от понятия о сознании вообще и от представления о соотношении «я» и «не-я», где самосознание понимается как сознание другого [27, с. 305–306]. Впрочем, А. С. Лаппо-Данилевский не различает четко «психическое» и «трансцендентальное» и часто использует их в одном смысле. Принцип чужой одушевленности и признание «чужого я» оказывает влияние и на концепцию истины, и на становление и развитие самосознания [27, с. 312].

Наибольший интерес в разрабатываемой А. С. Лаппо-Данилевским теории обществоведения представляют проблемы типологии.

Сначала А. С. Лаппо-Данилевский воспринимает типологическое обобщение как один из способов образования общих понятий при номотетическом построении истории [27, с. 113]. При этом типологическое обобщение, или типизация, является отражением психической законосообразности. Проявление этой законосообразности во времени приводит к понятию о *национальном типе*, а проявление в пространстве — к понятию о *культурном типе*. «В сущности историк-социолог превращает законы комбинаций психических факторов в типизацию их, но он придает типическим комбинациям значение реальных факторов. При помощи такого построения историк-социолог вырабатывает понятия, которые я назову понятием о племенном (или, в более узком смысле, о национальном типе) и понятием о культурном типе (данного периода)... В основе общих понятий лежит мысль о законосообразной комбинации психических факторов, соответственно производящей, при тождественности условий, одни и те же следствия: только постоянство такого соотношения в понятии о племенном типе строится преимущественно во времени, а в понятии о культурном типе — преимущественно в пространстве» [27, с. 139]. Определенным (психологическим в основе) типом может обладать социальная группа, сословие, класс,

народ [27, с. 144]. Понятием «национальный тип», понимаемым как устойчивый во времени психический комплекс, А. С. Лаппо-Данилевский пользовался, в частности, в своей магистерской диссертации.

Культурный тип содержит в себе такое сочетание психофизических и культурных факторов, при помощи которых объясняется то или иное явление культуры, в том числе, например, социальное течение [27, с. 145]. Культурный тип следует понимать как общее для данной социальной группы состояние сознания [27, с. 149, прим.]. Иными словами, «можно установить некое психическое отношение между состоянием сознания, а также характером данной группы и однородностью соответствующих продуктов культуры» [27, с. 147]. В свою очередь, общее состояние сознания связано с представлением об «общей воле» [27, с. 148]. Общие психические черты, характеризующие данный культурный тип, признаются общими и постоянными причинами, обуславливающими данную культуру [27, с. 141]. Комбинация характеристик национального и культурного типов позволяет установить такую законосообразную последовательность фактов, служащую их объяснению, которую уже можно считать не только психологической, но и историко-психологической. Тип может получить определенное историческое значение путем отнесения его к известной ценности. Причем это значение имеет нормативный характер и становится нормой. Такой тип фиксирует уже не общее, а должное [27, с. 176]. Значимая для исторического исследования ценность, прежде всего общепризнанная ценность, фиксируется историческим типом, проявляется в нем. Она составляет содержание сознания того коллективного исторического субъекта, который описывается типологически.

В то же время А. С. Лаппо-Данилевский выступает против объективации понятия «тип». Говоря более определенно, это означает, что не следует смешивать типологическое обобщение, которое является теоретическим конструктом и продукт культуры как фрагмент действительности. «Между тем, всякий тип — есть наше построение, а всякий продукт культуры — есть результат индивидуальной деятельности» [27, с. 176]. Сам *тип* А. С. Лаппо-Данилевский понимает как понятие ментального плана и поясняет его в таких выражениях, как, например, «типический образ» или «общее представление». Предполагается, что при типологизации можно избежать как чрезмерного абстрагирования номологического обобщения, так и дробления истории на сингулярные и несвязанные происшествия идеографического построения. «Не будучи номологическим построением закона или даже эмпирического обобщения (в строгом смысле), тип, вместе с тем, очевидно, не оказывается и единичным случаем; с логической точки зрения тип есть относительно общее понятие по преимуществу и занимает как бы среднее место между законом и единичным случаем: он не достигает всеобщности закона и полноты эмпирического обобщения, ибо допускает уклонение, но и не низводится до индивидуальности. С такой точки зрения можно, пожалуй, назвать тип "общим представлением"» [27, с. 155]. Тип следует понимать как экзemplификацию общего. С номотетической точки зрения тип принадлежит к общим понятиям, носящим, однако, относительный характер: «...Тип есть научно установленное общее представление, которое в таком именно смысле можно назвать и относительно общим понятием; в последнем смысле понятие о типе близко подходит к понятию о «среднем»» [27, с. 155]. «Итак, "тип" — есть всегда относительное обобщение... есть понятие

растяжимое и объем типа может быть разным», — резюмирует А. С. Лаппо-Данилевский [26, с. 158].

В зависимости от отношения к действительности можно различать *идеальный тип* и *репрезентативный тип* [26, с. 156]. Идеальному типу ничего не соответствует в реальности, в то время как репрезентативному типу в действительности соответствует по крайней мере один факт. «Таким образом, — уточняет А. С. Лаппо-Данилевский, — пользуясь типологическим приемом обобщения, историку следует иметь в виду, тип есть его построение, а не действительность; понятие типа, если он идеальный, не обозначает реально данной вещи; лишь репрезентативный тип может обозначать конкретный факт; но и последний в отношении к остальным случаям данной группы все же будет только идеальным» [26, с. 157-158]. Такое деление типов служит не для объяснения материала, а только для систематики или группировки определенной совокупности объектов [26, с. 158]. Это типологизация в систематизирующем смысле.

Возможно и другое значение типологизации — морфологическое. В данном случае типологизация производится лишь на основе внешней формы объектов, выявляя наиболее характерные признаки. «Вообще, изучая данную совокупность предметов в их устойчивых признаках, мы как бы накладываем наши представления о предметах друг на друга и получаем общее им содержание; тогда мы называем понятие о группе сходных между собою объектов (конкретных предметов) — типом; сюда можно отнести, например, типы животных видов и рас, национальный тип, культурный тип и т.п.; если принимать во внимание лишь понятие о группе формальных свойств, т.е. не объекты, целиком взятые, а только их внешнюю форму, служащую достаточно характерным признаком для систематики, то с такой точки зрения мы можем получить морфологические типы, например, типы кристаллов, растений (по форме листьев) или животных; типы языков изолирующих, агглютинирующих и флектирующих и т.п.» [26, с. 160]. Установление общности типов на основе общности их происхождения приводит к образованию понятия об *эволюционном*, или *генетическом типе*. Дисциплина, изучающая эту разновидность типов, называется морфогенией. Стоит упомянуть, что А. С. Лаппо-Данилевский вводит еще одну разновидность типов — *феноменологический тип*. Возможность феноменологической типизации исходит из того, что «можно типизировать данную метаморфозу в тех ее стадиях, какие наблюдаются в данной совокупности сходных случаев» [26, с. 160].

Последующая разработка проблем методологии истории была у А. С. Лаппо-Данилевского связана с так называемой *исторической феноменологией*, т.е. с изучением форм данности истории и способов их обработки. Разъяснение этих вопросов дается в разделах, посвященных историческому источнику, исторической интерпретации и исторической критике. Ученый предложил подробную классификацию исторических источников, а также видов интерпретации и критики. Исследование этих вопросов носит уже в значительной степени частный характер. Здесь затрагиваются конкретные проблемы исторической науки, непосредственно примыкающие к исследованиям А. С. Лаппо-Данилевского по дипломатике и историографии.

А. С. Лаппо-Данилевский сыграл также большую роль в организации социологической науки в России. Весной 1916 г. было учреждено «Русское социоло-

гическое общество имени М. М. Ковалевского». Общество ставило перед собой задачу разработки вопросов социологии, истории и других общественных наук, а также распространения знаний по этим наукам. В его состав вошли наиболее видные представители общественных наук Н. И. Кареев, Е. П. Ковалевский, К. М. Тахтарев, В. А. Вагнер, С. К. Гогель, П. А. Сорокин, председателем общества был избран А. С. Лаппо-Данилевский. Однако многое из задуманного им не было реализовано в работе общества в виду его кончины в 1919 г. В 1918 г. А. С. Лаппо-Данилевский принял самое активное участие в работе комиссии о создании Института социальных наук, который, однако, так и не был создан [29].

А. С. Лаппо-Данилевский умер от медицинского промаха, получив заражение крови во время относительно несложной операции. Ослабленный недоеданием организм ученого не мог сопротивляться, но ум его как и прежде оставался ясным и деятельным. П. А. Сорокин, который часто посещал своего университетского учителя в больнице, отмечал, что последней книгой, увлекшей А. С. Лаппо-Данилевского, была «Феноменология духа».

Литература

1. Пресняков А. Е. Труды А. С. Лаппо-Данилевского по русской истории // Русский исторический журнал. 1920. № 6.
2. Лаппо-Данилевский А. С. Речь на магистерском диспуте 9 мая 1890 // Историческое обозрение. Т. 1. СПб., 1890.
3. Лаппо-Данилевский А. С. Лекции по Русской Истории, читанные студентам 1-го курса И. И. Ф. Института в 1890/90 академическом году (литография). Б. м., б. г.
4. Гревс И. М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. № 6.
5. Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Петроград, 1922.
6. Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды Юбилейной сессии Ленинградского государственного университета: Секция исторических наук. Л., 1945. С. 52–54.
7. Рубинштейн Л. Н. Русская историография. М.; Л., 1941. С. 502–503.
8. Шапиро А. Л. Русская историография в период империализма. Л., 1962. С. 33–37.
9. Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: Теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 12.
10. Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии в период империализма. Л., 1986. С. 140–154.
11. Пронштейн А. П. Теория и методология исторического исследования в труде А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» // Источниковедение отечественной истории. М., 1989. С. 39–58.
12. Клибанов А. И. А. С. Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель // Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII в. М., 1990. С. 249–280.
13. Нечухрин А. Н., Рамазанов С. П. Мир абсолютных ценностей: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // Историки России: XVIII–начала XX века. М., 1996. С. 512–537.
14. Хмылев Л. Н. 1) Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX в. Томск, 1978; 2) Проблемы методологии истории в русской историографии в период империализма: Историографический очерк. Л., 1986.
15. Рамазанов С. П. Русская буржуазная историография и неокантианская теория ценностей. Томск, 1981.
16. Сеницин О. В. Кризис буржуазной исторической науки в конце XIX–начале XX века: Неокантианские течения. Казань, 1990.

17. Корзун В. П. Пути развития исторической науки в историко-научной концепции А. С. Лаппо-Данилевского // *Историки об истории*. Омск, 1989. С. 24-36.
18. Сидельников Р. А. Проблемы истории в университетских курсах А. С. Лаппо-Данилевского // *Российские университеты конца XIX-начала XX в.* Воронеж, 1993. С. 140-149.
19. Берус В. В. Проблемы истории в русском неокантианстве: А. С. Лаппо-Данилевский: Автореф. канд. дис. СПб., 1998.
20. Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 167.
21. См. его главу в книге: *История буржуазной социологии XIX-начала XX века*. Л., 1979.
22. Лаппо-Данилевский А. С. Материалы для плана общеобразовательного курса по истории человечества // *Памятная книжка Тенишевского училища в С.-Петербурге за 1900/1 учебный год. Год 1-ый*. СПб., 1902. С. 88-90.
23. Архив РАН. Санкт-Петербургское отделение. Ф. 113. Оп. 2. Д. 12. Л. 7.
24. Грехова Г. Н. Эпистолярное наследие А. С. Лаппо-Данилевского // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. VIII. Л., 1976. С. 264.
25. Лаппо-Данилевский А. С. Основные принципы социологической доктрины О. Конта // *Проблемы идеализма*. М., 1902.
26. Лаппо-Данилевский А. С. *Методология истории*. Вып. I. СПб., 1911.
27. Лаппо-Данилевский А. С. *Методология истории*. Вып. II. СПб., 1913.
28. Лаппо-Данилевский А. С. *Методология истории*. Вып. первый. Петроград, 1923.
29. См.: *Об институте социальных наук: Записки комиссии Российской Академии Наук*. 1918: Приложение к протоколу заседаний 18 (5) июня 1918.